

Почти полвека назад в общежитии журфака сложилась компания студентов, приехавших из разных концов страны в Москву с одинаковым желанием: писать. Кто-то не скрывал надежд на художественное слово, кто-то говорил лишь о журналистике, но каждый стремился быть точным и самостоятельным. Потому что мы ощущали себя посвящёнными. Допущенными к слову.

Мы до сих пор ощущаем единство с теми, кто жив, с теми, кого нет. Мы делились написанным без боязни быть непонятыми и без желания подладиться под чьи-то вкусы. А ценили мы одних и тех же непохожих авторов, поэтов и писателей. Ценили, но не подражали, считали, что не все еще сказано, что мы обязаны найти что-то своё. Поэтому к моде на постмодернизм оказались непричастны.

Я несколько лет назад писал о творчестве Иосифа Гальперина. Готов и сейчас повторить эти слова.

Вот, кажется, прошумел и укатил постмодернизм — и нет его на горизонте. Но мировой просцениум вряд ли будет пустовать долго. И вот стоит поэт на пороге этого мира и то с недоумением, то с презрением смотрит на непрерывную смену вех, переживает, участвует, отвечает. С позиции мудреца, конечно, смотрит, говорит умные про-никновенные вещи. Его как будто не слушают, но слышат.

Иосиф Гальперин давно в поэзии. Мне внятна его серьезная и трезвая интонация, понятна его забота — сохранять свою отражающую способность в чистоте и спокойной ясности. Что сегодня редкость. Редкость быть верным себе, своему однажды сделанному выбору. В этом качественная особенность и будущность его поэзии.

Иван Жданов

В БЕСПРОБУДНЫХ ЛЕСАХ

* * *

...А это тень неба в тебе,
отпечаток скрижали, тавро,
оттиск двойной спирали,
скрученной вечной пряжей.
Ты чувствуешь только одно —
холодно или тепло,
да и то — неточное знание,
особенно, если родился в рубахе.

Тени идут по лицу,
проходят, оставляя лыжню морщин.
До следующего облака
дотянуть бы неутолимим.
Ты видишь развёртку радуг
без целей её и причин.
Облако выглядит богом,
особенно, если лежит на Олимпе.

* * *

Тени бабочек, тени мальков,
по струящейся амальгаме
с двух сторон пролетают пред нами,
как две эры на стыке веков.

Так по ленте сетчатки летят
тени будущего и былого:
изнутри подымается взгляд,
каждый раз рождается снова.

Даже если обычная мгла
поутру раздвигает завесы,
ты же помнишь: рассвет интереса
пред тобою строчка зажгла.

Не обещан успех наперёд,
что завещано — сбудется вряд ли,
только тень оживёт, какую найдёт
точный глаз на вздрогнувшей глади.

Путь наверх

Когда и луковки, и шпили
разжаловали и спилили,
то потолок прямоугольный
закрыл колодец колокольный,
проход наверх заколотили —
и чердаки забили пылью.

Когда нас снова удивили
дезабиле и избылье
летающей облачной артели,
её понять мы захотели,
но дирижабли-монгольфьеры
в свою не посвятили веру.

И только дождь струной холодной
и абрис дерева бесплотный
нам открывают путь наверх.
По луже — дрожь, по морю — волны,
а мы оторваны, безмолвны.
Но ласточка сшивает всех.

Ньюкасл — Йорк, 16.07.2010

* * *

Месяц хмарь, двенадцатое число,
сотни лет — и тьма, и тьма, и тьма,
снег не снег, дороги развезло —
это плачет по тебе тюрьма,
это вязнет на суглинке свет,
это вянет на подзоле мысль,
это гаснет человеческий след,
это грязной остается высь,
как ни чисть слезами и рукой,
как ни три оконное стекло —
хмурой родины
 гибельный покой
не нарушит свежее число.

* * *

Андрею Сергеевичу Смирнову

В беспробудных лесах от Амура до Рейна,
четверть шара земного параболой сжав,
как древесного угля слепое горенье,
накопилась энергия диких держав.
Столько смуты не выдержать миру и Риму,
и, степную гиперболу переварив,
волны хаоса бились неукротимо,
шли на Прагу, на приступ и на прорыв.

Корчевали, потом воевали так долго,
что опять зарастали осиной поля,
а в степи разливались от Ганга до Волги
бессловесные полчища —
перекати-Земля.

Не опознан, уходит пастух-земледелец.
Затопив материк, повторяет вода
диких предков пожар по саванне Сахейля,
оставляя на дне валуны-города.
Снова степь, снова лес — не написана книга,
человечество спит, беспробудно молча.

Зреет в тесном скиту слово архистратига,
бьётся в гулкой пещере пророка свеча.

Если слово горит — не нужна позолота,
но под пыткой огнём безответны леса.
Красной нитью свяжи торфяные болота —
не проложишь подножие для колеса.
Не по рылу кусок, не в обхват человеку
беспросветных деревьев таёжный разлив.
Переплыли когда-то великие реки —
и застыли навеки, недолюбив...

* * *

Покажи мне, где раки зимуют,
где стрекозьи личинки лежат,
где, не ведая волю земную,
дышат в снег носы медвежат.

Запелёнута крыльев свобода,
спят и когти пока, и клешни,
молодь прячется на полгода,
и кузнечики не слышны.

Не бывает лёгкой игрою
несгибаемость метаморфоз,
пусть себя под землю зароет
время будущее стрекоз.

Покажи мне — и я разгадаю,
что откроет сегодняшний миг,
вызревавший в подполье годами
и прошедший сквозь нас напрямик.

Расширяется жизни арена,
в круге — завтра, сейчас и вчера,
но, меняясь, неприкосновенна
неразменная эта игра.

* * *

В любом орнаменте случайном —
вглядишься! — есть человеческий глаз,
как будто пристально, печально
поверхность изучает нас.

Грохочет, ухает невнятно,
бьёт водопадом по ушам
мир, бессловесно необъятный, —
спешит приблизиться к словам.

Движеньем ветра и осины
дыханье прячется в груди,
губами лёгкими жасмина
цветенье женское гудит...

Не пропадает опыт дальний
на круглой маленькой земле,
где человек исповедальный
в себе его находит след.

Вот предок — это я сегодня! —
терзает кремни для скребка,
и вдаль, и вглубь летя свободно,
считает близкими века,

не знает, кто из них жестокий,
кто был в родне исчадьем зла...

Отодвигаются истоки
и улыбаются глаза.

На концерте Пендерецкого

Как липнет липовый цветок
к листу почти такого ж цвета,
на огонёк летит, жесток,
дым мотыльков в разгаре лета.

Притянет — и не оторвать! —
намёк на родственность, приманка,
метафор общая кровать,
воронка, раночка, обманка.

А что ж тут общего, скажи?
Рожденье, зренье, умиранье.
Похоже всё, что хочет жить,
и на огонь похожа рана.

Ты только руку протяни —
к тебе черёмуха качнётся,
хоть ты её не обмани,
не оборви. Тебе зачтётся.

Моисей

На перечень ручьёв,
и речек, и ключей
готов истратить взгляд
лампадок и свечей.

Мучительно искать
в болтливой тишине
источники — для всех,
прозрение — в огне.

Прост и закрыт язык
капельей или струй,
но если жаждет люд,
то напоить — рискуй!..

В пещерной темноте
среди пустынных гор
расселину рассёк
призыв, как приговор.

Но жажду утолив
вперёд на тыщи лет,
невнятен стал ручей,
и непрозрачен свет...

Сквозь дёрн, среди травы
в песке пробился ключ.
Смешные пузырьки
перебирает луч.

Митинский пруд

Потемневшим лицом
 вода припадает к песку,
после блеска зеркального
 ясность до дна.
Посмотри на пруды:
 их вгоняет в тоску
та же темень небесная,
 отражена.
Посмотри на себя,
 погоди, удержишься в октябре,
крохи листьев сгорающих
 к силам добавь,
бровью ивы зелёной коснувшись,
 лицом подбрей,
опоздавшую зелень
 со снегом поздравь.

* * *

Когда метафорический сквозняк
соединяет дальние значенья,
как бы телеграфический столбняк
идёт по полю мимо населенья,
я думаю о радиоэфире —
одном на всех.
На всё вещанье в мире.

* * *

Некто
рисует миры
на песчаной отмели.
Неудачные
быстро смахивает сам,
удачные
смывает волна.

Миры

Плезизавр,
подымая утром голову
над солёной водой,
думать, видимо, не мог,
но вполне ощущал:
как хорошо!
Ему повезло родиться,
он видит солнце,
лучшего мира нельзя вообразить.

Плезизавр вымер
65 миллионов лет назад.

Каждое существо,
подымая утром голову
над солёным океаном жизни,
хоть раз да почувствует:
как хорошо!
Ему повезло увидеть солнце,
родиться в лучшем из миров.

Если бы до сих пор
жили плезиозавры,
новых миров
никто бы не увидел.

* * *

Там, где птичья душа и собачья, —
там найдётся местечко моей,
у святого Франциска на даче,
за границами райских цепей.

Не молился, не верил в вериги,
обязательства не принимал,
ни одной из великих религий
не был впору, наверное — мал.

Недосказанный, недоучённый —
я рукою махнул на него —
тает мир мой, как лёд наконный
от дыхания моего.

Я не выдержал в жизни экзамен,
не пришёл в человеческий вид,
но душа моя льётся слезами
и с Франциском святым говорит.

Реанимация

Игорю Власову

— Тронулась душа и просится наружу.
Ты прости меня, сестра, но я умру.
— Вот и ладно, не держи в неволе душу
и не бойся гаснуть искрой на ветру.
Разве ты гореть, как прежде, сможешь?
Тяжело на свете жить трухой...

Говорит одна, другая, ёжась,
примеряет вечный холод и покой.

— А не грех туда спешить, сжигая корни?
— Разве прутья — это корни для огня?
Мы, как ветки, к небу тянемся исконно,
нас костры тревожат, пламенем маня...

На клеёнках лёжа рядом, голые старухи
в запертой палате третью ночь.
Сказки, капельницы, нянечки и духи
одинаково не могут им помочь.

— Ну а ты, сестра, пойдёшь за мною?
— Догоню, не знаю лишь — когда.
Ты не думай, я глаза тебе закрою.
Только... я ещё к полёту не годна.
— Будто камень падает с души, ущербный, —
тело, ахнув, отпускает в путь меня.
— Да, наверное, как камень у пещеры
утром третьего обещанного дня...

Прутики в костре реинкарнаций
обсуждают Божье торжество.
В склепах областной реанимации
долго не содержат никого...

Чистилище

Молнии летают у небесных врат —
ножницы кривые режут путь назад,
и теперь насельники кисельных берегов
со споротыми ценниками — кто раньше был каков.

Не понять им, бедным, нынешний расклад:
в рай они попали или влипли в ад?
Души бестелесные не взвесишь на весах,
мысли бессловесные не помнят о грехах.

И решает смелая, бедовая душа:
«Я в раю, наверное, — была я хороша!»,
а душа смурная ничему не рада:
«Мне куда до рая! Я в районе ада».

Смотрят друг на друга в парилке облаков:
в бане нет отличий, в бане нет грехов,
сколько вместе быть ещё?

Вот оно, чистилище.

Несвязное – 1

* * *

Будешь падать — подгибай колени,
чтобы не удариться плашмя...
Сколько ненамеренных Каренин,
если поглядеть вокруг меня!

* * *

В доме повешенного
говорят о кресте.
Значит,
чужие.

* * *

Как пальма
среди олив —
причудлив,
но неприхотлив.

* * *

Условная цифра.
Но из-за нее и наша жизнь,
и древние развалины
остаются вместе в прошлом тысячелетии.

* * *

Я свободен
от мизинца правой руки до мизинца левой ноги.
Каждое утро
подтверждает версию о личном бессмертии.

* * *

Я набыю своим молчаньем том
только для того, чтоб различать,
видно ли в молчании моём
тяжкую словесную печать.

* * *

Здесь книги читают с востока на запад,
а годы считают с начала времён.
На точку отсчёта от мёртвого знака
резиновой лентой бегун возвращён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru